ПАМЯТЬ

Марк КАБАКОВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Есть имена-символы, имена-птицы. Одни долетели до нас из едва различимого далека, другие взмахнули крыльями рядом. Среди них — Грин.

Стоит произнести это имя — и блистающий мир уже различим. Он там, за чертой горизонта, где рассвет поднимает алые паруса...

И только потом осознаешь, что и "Блистающий мир", и "Алые паруса" — не что иное, как названия книг.

До последнего времени вокруг имени Грина и его творчества жужжали невероятные слухи, роились легенды. Его считали иностранцем, который волею обстоятельств застрял в России, да так и не прижился. Его называли сочинителем бульварных романов. Потом, одумавшись, окрестили сказочником. И уже в последние годы чуть ли не навечно прикрепили к его имени дощечку, на которой выгравировано: писатель-романтик.

Все это грошовые истины, из которых выросла со временем великая неправда о писателе. На самом деле жил в первой трети нынешнего века литератор Александр Степанович Грин, он же Гриневский, человек, создавший неповторимый мир, мастер психологической прозы.

Романтика зовет молодых. И она же вызывает ярость филистеров. Неслучайно Грина не печатали в начале 30-х, запрещали в конце 40-х... Когда торжествует зло, оно спешит прежде всего расправиться с романтиками. В 1949 году Грина объявляют писателем-космополитом. Молодой читатель вряд ли поверит, но на правах очевидца свидетельствую: в ту пору это было равносильно зачислению в фашисты. Любимое сталинское детище, ГУЛаг, требовал ежедневной пищи. На худой конец могли сгодиться и космополиты. Грин просто успел вовремя помереть...

И с той же неизбежностью первая оттепель начала 60-х годов среди других имен написала на своих знаменах: Грин.

"Я все равно паду на той, на той далекой, на Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной",— пел Булат Окуджава. Гитарные струны от Бреста до Владивостока, славили Лисс и Зурбаган. Генеральный секретарь объявил, что до коммунизма каких-то 20 лет!

Как тут было не вспомнить слова, которые Грин вложил в уста капитана Грэя: "...я понял одну нехитрую истину: она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками".

Названия гриновских городов становились паролем, по которому узнавали своих. Алые паруса ползли по мачтам в пионерское небо...

Как раз в преддверии этой поры, в 1956 году, возвратилась в Старый Крым Нина Николаевна Грин, вдова писателя. Осужденная за измену Родине, амнистированная по Указу. Приехала и увидела, что в домике, где они жили с мужем, где Александр Степанович скончался,— курятник...

Началась неравная борьба. Ведь курятник принадлежал не кому-нибудь: первому секретарю ГК КПУ!

Поначалу старо-крымские власти и разговаривать не хотели: "Грин? Первый раз слышим!" Потом, когда притворяться глухими стало невозможно, на старую женщину обрушились ушаты самой неприкрытой грязной клеветы.

Чего только не говорили — и за глаза и в глаза: и что, дескать, за мужем не ухаживала, и умер он на соломе, и что не женой ему она была вовсе, а любовницей... И что при фашистах скакала по Старому Крыму на белом скакуне, и сам Геббельс прислал за нею самолет.

Здесь надо еще и то принято во внимание, что происходило все это в провинциальном городке, где власть начальника почти неограниченна, а уж о секретаре горкома партии и говорить не приходится. Удельный князь! Наместник! (Разумеется, речь идет о недавнем прошлом. Впрочем, о прошлом ли?...)

Маленькая женщина с белыми, почти до голубизны, волосами, практически не сидела на месте. Москва, Киев, Симферополь, Феодосия, опять Москва, снова Киев. Справедливости ради надо сказать, что ей помогали. Писатели: Паустовский, Ленч, Сергей Смирнов. И такие люди, на помощь которых ей, казалось бы, рассчитывать не приходится. К примеру генерал-лейтенант КГБ в отставке, он же секретарь Московской писательской организации Ильин...

И Нина Николаевная победила. Курятник, а следом за ним городской архив были отселены. Более того, в домике в 1960 году создан музей, воссоздана обстановка, в которой умер писатель. И все это было сделано руками вдоволь хлебнувшей горя 60-летней женщины! Кажется чудом, но так было.

Два года спустя я перевелся с Балтики на Черное море и сразу поехал в Старый Крым, на поклон. Городок утопал в мальвах, не спеша трусила в пыли изнемогающая от жары курица, плыли вновь с низкими облаками, мохнатые горы...

— Как пройти к Грину? — спросил я первого встречного. Им оказался мальчишка. Он вызвался проводить меня, и через несколько минут я сидел во дворе возле старого орехового дерева (в его тени мечтал работать писатель!) и Нина Николаевна рассказывала о Грине.

Посетителей в тот день, по счастью, было мало. Я успел перелистать книгу отзывов. Удивительную книгу, ибо она являла собой коллективное объяснение в любви! К писателю, к его произведениям. И почти в каждой записи недоуменное: почему это не официальный музей? Почему единственный сотрудник — вдова писателя? И как могло получиться такое, что живет она на пенсию в 23 рубля? И это тогда, когда книги Грина выходят громадными тиражами и приносят государству миллионы!!

С того памятного дня я подружился с Ниной Николаевной. А в 1985 году мне выпала великая честь: отмечали 85-летие писателя, и в летнем кинотеатре Старого Крыма я читал стихи, посвященные Грину. На том собрании я был единственным военным моряком. В президиуме сидели Сергей Наровчатов, Платон Воронько, Борис Слуцкий...

Нину Николаевну приглашили, усадили в первом ряду. Раздались аплодисменты. Я оглянулся: хлопали далеко не все...

Так в чем же все-таки дело? И почему до сих пор о замечательной русской женщине, так много сделавшей для своего мужа — и при его жизни и после, говорят с недомолвками? Почему к ее имени в тех местах, где она прожила едва ли не половину своей долгой жизни, обязательно прибавляется слово "но"?

Чтобы разобраться, вернемся в Петроград 1921 года. В один из зимних холодных и голодных дней, Грин случайно встретил на улице Нину Короткову. Он был знаком с нею сравнительно давно, с февраля 1917 года, когда она работала в редакции журнала "Эхо". Уже успевшая овдоветь (муж погиб на фронте в первую мировую), хорошенькая голубоглазая сотрудница обратила на себя внимание Грина, он даже пытался ухаживать, но все ограничилось обычными любезностями. Иные страсти бушевали в те дни в Петрограде...

Нина Николаевна ГРИН.

И вот встреча, четыре года спустя, в фантастическом городе-коммуне, где осьмушка табака стоит миллион, в буржуйках жгут бесценные книги и в нетопленной Мариинке поет Шаляпин...

Грин после долгих мытарств жил в бывшем особняке на углу Невского и Мойки, превращенном в общежитие для литераторов. Общежитие пышно именовалось Домом искусств, и в нем у Грина была комната, узкая, как пенал. В эту комнату и была приглашена на кружку пайкового чая озябнувшая от жизни Нина Николаевна.

Прошел месяц, в один из мартовских дней Грин предложил Нине стать его женой. Она не сразу согласилась. Он был старше на 14 лет, в свое время много пил, к тому же странные слухи...

В ожидании ее прихода Грин написал стихи. Вот они:

Дверь закрыта,
Лампа зажжена,
Вечером ко мне придет жена.
Больше нет угрюмых серых дней,
Я сижу и думаю о ней.
Пусть она протянет руку мне,
Доверяясь тихо и вполне.
Страшный мир
Свирепствует вокруг,
Приходи, мой синеглазый друг...
Приходи, я жду тебя давно,
Было так уныло и темно,
Но настала светлая весна.
Легкий стук.
Пришла моя жена.
Шесть и семь,
И восемь лет пройдет,
И она такою же войдет.
И такой же точно буду я.
Хорошо, любимая моя?

Расписалась Нина Николаевна и Александр Степанович в загсе, а потом пошли на Конногвардейский бульвар. Там стояла закрытая по случаю холодов церковь Благовещения. Взявшись за руки, они обошли храм, поцеловали лик святого...

Дробилось солнце на панели, прыгали по голубым лужам воробьи. Было 20 мая 1921 года.

С этого дня и до самого смертного часа Грин пронес в своем сердце трепетную любовь к Нине Николаевне.

За четыре месяца до кончины, погибая в Старом Крыму от рака и зная, что обречен, он пишет стихотворение "Одиннадцать" — поздравление жене к годовщине их свадьбы:

...Ответить всерьез
О цифре одиннадцать трудно.
В ней песни, лучи и гирлянды из роз
И звон, раздающийся чудно.
Я болен, лежу и пишу,
А она
Подсматривать к двери приходит
Я болен, пишу, но любовь не больна,
Она карандаш этот водит.

Под стихами подпись: "Саша — Ниночке. Всепрелюбящий. И раньше, и всегда, и впредь. 8 марта 1932 года".

Так и прошла их совместная жизнь. От стихотворения до стихотворения. Вот что пишет Нина Николаевна в своих воспоминаниях: "... у меня было чувство, что только я с ним дышу всем существом своим, что больше ничего мне в жизни не надо, как только быть около него, заботиться о нем. Это была пристань сердца".

Она стала не только любящей женой. Была секретарем, первым слушателем, другом.

В 1923 году изданы "Алые паруса", в том же году журнал "Красная Нива" публикует роман Грина "Блистающий мир". Приходит слава, а вместе с нею и материальная независимость. Как бабочки на огонь слетаются случайные знакомцы, завсегдатаи "портерных" и "распивочных на вынос". Тяжкий недуг — алкоголизм — память о босячестве и портовых ночлежках — все чаще и чаще валит с ног Грина.

Нина Николаевна решает увезти мужа из Петрограда. Сговаривается с врачом и тот "ввиду недомогания" рекомендует переехать в провинцию. Изобразить болезнь было нетрудно: перенесенный когда-то сыпной тиф нет-нет да и давал знать о себе...

В мае 1924 года Грины приезжают в Феодосию. Не будь дома на Галерейной, кто знает, имели бы мы "Бегущую по волнам", "Дорогу в никуда", "Джесси и Моргиану"?

А когда стало невмоготу жить впроголодь, не она ли, Нина Грин, цветущая, светская женщина, увезла мужа в Старый Крым? И сейчас-то этот городок погружен в полудрему, а тогда?

К сожалению, сбежать от нужды не удалось. Российская ассоциация пролетарских писателей свирепствовала в литературе с неменьшей яростью, чем ОГПУ "на воле". Возвращаются обратно рукописи. Старокрымские письма Грина полны отчаяния.

1931 год. Старому приятелю Шепеленко: "Не имея другого выхода прошу пустить в дело подписной лист". Спустя некоторое время писателю Новикову: "Город беден, как пустой бычий пузырь. Наш ежедневный рацион триста граммов хлеба, горькие, как хина, огурцы с собственного огорода и зеленый лук".

Когда Грин заболел, Нина Николаевна сделала все возможное и невозможное, чтобы спасти мужа. Были проданы немногие золотые украшения — память о благополучной жизни в Петрограде. То и дело приходили врачи, был даже созван консилиум...

Здесь следует сказать и то, что тяжесть этих горьких лет безропотно делила с Ниной Николаевной ее мать, Ольга Алексеевна Миронова.

8 июля 1932 года Грина не стало. Казалось, что связывало теперь Нину Грин со Старым Крымом? Ей было 38 лет, она была еще хороша собой...

И все же она не уехала. Бережно собирает все, оставшееся от Грина: рукописи готовых произведений, черновики, письма, даже случайные записки. Все это передается в Центральный государственный архив литературы и искусства, ЦГАЛИ, образует фонд Грина.

Она добивается постановления Совнаркома об организации в Старом Крыму мемориального музея. Музей должны были открыть к десятилетию со дня смерти Грина, в 1942 году. 22 июня 1941 года началась война.

Эвакуироваться Нина Николаевна не смогла. Да и как? С больной матерью пешком не пойдешь, а на весь район машин раз-два и обчелся...

Пришли немцы. Надо было как-то жить, надо было работать, чтобы не умереть с голода. Нина Николаевна устраивается в типографию, корректором. Сначала типография печатает объявления, бланки для городской управы, а с 1943 года — "Старокрымский бюллетень". В нем официальная (немецкая, разумеется) информация, иногда городские новости. Выходил бюллетень нерегулярно, а попросту — как Бог на душу положит...

Под пятью номерами подпись: редактор Н. Грин.

До самой смерти утверждала Нина Николаевна, что свою работу в управе и бюллетене она использовала для помощи землякам, что важные сведения передавала партизанам.

Существуют свидетельства очевидцев (их собрал и нотариально заверил киевский инженер А. Верхман), что Нина Николаевна спасла жизнь жителям Старого Крыма.

На улице был убит офицер. Немцы арестовали человек 13 и отправили в Симферополь. Сомнений в их участии не было — расстреляют... И тогда за десятерых арестованных поручился городской голова. Поручительство вызвалась отвезти Нина Николаевна. И впечатала в список еще троих...

Подписанные ею "Бюллетени" прочел в свое время автор "Брестской крепости" Сергей Смирнов. По его словам, ничего порочащего лично Нину Николаевну он в этих листках не обнаружил.

К сожалению, Сергей Сергеевич был единственным человеком, который пытался по-настоящему разобраться в так называемом "Деле Н. Н. Грин". Возможно, и разобрался бы, да смерть помешала...

Когда в апреле 1944 года наши вошли в Старый Крым, Нины Николаевны в городе не было. Незадолго до этого она уехала в Одессу. "Могли ведь и расстрелять. Даже не пытаясь разобраться"...

Теперь-то мы знаем, что ее опасения были справедливы. До Одессы она не доехала. Поезд остановили и всех, кто был еще физически крепок, отправили в Германию. В рейх, на принудительные работы. Освободили их американцы.

Она сразу же заявила: "Хочу домой!". Прошла через сито всевозможных проверок и уже осенью была в Старом Крыму. И сразу же пошла в местное НКВД — рассказать все, как было. Через две недели ее арестовали.

Судили в Старом Крыму. К тому времени 80 процентов горожан — татары, греки, болгары — были выселены. Те, кто приехал на их место, питались слухами. А какие это были слухи, я уже говорил...

Нину Николаевну приговорили к 10 годам лагерей. Она отбыла почти весь этот срок.

Вроде тяжко: жить с таким грузом воспоминаний, каждый раз упираться в очередную стену равнодушия!

А между тем в Киеве возникло целое общество ее друзей. Ученые, инженеры, студенты. "Гнилая интеллигенция". Душою общества стала кандидат биологических наук Юлия Александровна Первова. "Гриновцы" то и дело приезжали в Старый Крым, помогали. Ведь случались дни, когда через домик Грина проходили 300, даже 400 человек!

Всякого рода подношения Нина Николаевна категорически отвергала. И тогда киевляне решили ежемесячно "скидываться" и переводить деньги Нине Николаевне по почте. Была сочинена легенда, что Литфонд установил ей специальную пенсию. Нина Николаевна очень гордилась таким вниманием со стороны Союза писателей.

Скончалась она в Киеве 23 сентября 1970 года и перед смертью завещала похоронить себя в могилу Александра Степановича. Даже написала какую надпись сделать...

Четыре дня цинковый гроб с телом Нины Николаевны стоял в домике Грина. Власти наотрез отказались выполнить волю покойной.

"Она фашистка, ей там не место",— безапелляционно заявила тогдашний председатель горисполкома. Дальше ждать было невозможно, пришлось смириться. Нину Николаевну похоронили в конце кладбища. На погребении никого не было. Только милиция да рабочие коммунхоза. Некоторое время на кладбище дежурили дружинники: опасались перезахоронения. Потом надоело, бросили. А зря...

Рассказывает Юлия Александровна Первова: "Мысль о перезахоронении возникла сразу же. Готовились мы заранее. Достали лопаты, веревки, даже ледоруб... Приехать в Старый Крым решили поодиночке, чтобы не привлекать внимание, встречу назначили в семь вечера на автостанции.

27 сентября я пришла в установленное место. Перед этим зарядил дождь, потом начался ливень. Кругом ни души. Ну, думаю, все, никто не приедет. И вдруг, как из-под земли: Феликс Россельс, Виктор Падалько. Чуть позже появился Саша Верхман. Около девяти решили идти: "Ребята нас найдут". И как только поднялись прояснилось! В небе — ни облачка, только звезды, каждая с кулак.

И разве только это? Саша Верхман сокрушался: "Понадобится несколько ведер гравия, где его взять?". А за оградой, оказалось, целая куча гравия насыпана, привезли для ремонта кладбищенской стены...

У ворот нас уже поджидали студент историк Виктор Павленко и его товарищ Николай, оба симферопольцы.

Всего собралось шесть человек. Меня поставили сторожить, остальные разбились на две группы. И когда начали копать, поднялся сильный ветер. Он заглушал стук камней о ведра, голоса. Тут еще и дождь помог: намочил землю..."

Вскоре о перезахоронении прознало КГБ. Однако трогать еще раз могилу писателя не решились. Зато покойнице отомстили своеобразно. В той же ограде, что и писатель, в 1944 году была погребена Ольга Алексеевна Миронова, мать Нины Николаевны. Так вот, когда к столетию Грина на его могиле была установлена "Бегущая по волнам", надгробие Мироновой перенесли к дочери за ограду. "А косточки не тронули",— сказала смотрительница кладбища.

Двадцать лет длилось противоестественное положение, когда люди возлагали цветы на могилу, в которой никто не лежал.

Двадцать лет все молчали: и власти, запрещавшие хоронить, и те, кто не посчитались с запретом.

И только в 1990 году, когда отмечалась 110-я годовщина со дня рождения Грина, заговор молчания был нарушен.

На гриновских чтениях в Феодосии была образована комиссия общественной реабилитации Нины Николаевны, ей было вменено в обязанность: добиться юридического оформления перезахоронения.

Но добиваться ничего не пришлось. В который раз я убедился, что там, где руководят мыслящие, просвещенные люди, все решается без проволочек.

А именно таким человеком оказался председатель Старокрымского горсовета Евгений Вениаминович Панин, 39 лет отроду, в недавнем прошлом аспирант, врач-пульмонолог.

С первых же слов он понял, в чем суть дела. И через короткое время наша комиссия во главе с московским писателем Вадимом Ковским уже шагала на кладбище. Вперед шел мэр Панин. Небо заволокло тучами, моросил дождь. Мне вспомнился рассказ Первовой.

Мы подошли к могиле Грина, прикинули, где и как установить надгробье. Игорь Жук, физик-теоретик по специальности и бард по призванию, вызвался сделать эскиз...

На беду в коммунхозе не оказалось мрамора. Кто знает, чем бы это все кончилось (может быть, даже ничем), когда бы не повстречались на улице директор "домика" Н. А. Демчук и Андреей Демидов. Есть люди, о которых справедливо говорят: "Он все может". К их числу несомненно относился Андрей. Не прошло и сорока восьми часов, как он не только добыл мрамор, но и самолично изготовил надгробье. Правда, спал ли он за эти двое суток хотя бы час, остается загадкой...

Так что же сие значит? Опять случайность? или неукротимое желание делать жизнь "по Грину", творить чудеса собственными руками?...

23 сентября состоялась официальная церемония перезахоронения. День выдался прозрачный. Ни шума, ни ветерка. Только изредка грохотали самосвалы на недалеком отсюда шоссе, да похрустывали под ногой жестяные листья...

Говорили речи. Отец Василий, настоятель Старокрымского храма, пропел "Вечную память", освятил могилу писателя и его жены. И легли на холодные плиты голубые, желтые, белые "дубки", осенние крымские цветы, схожие с астрами.

Говорят, что они долго не вянут. Наверное, так оно и есть.

* * *

Казалось, здесь и конец нашей не слишком-то веселой истории. Ан нет! Былые недруги Нины Грин не унимались. Как грязные пузыри лопались и вновь вздувались слухи: "Не было никакого перезахоронения. "Обвели Панина вокруг пальца, демократы хреновы!"

И тогда киевлянин Саша Верхман решил поставить "следственный эксперимент". Нанял на свои кровные рабочих, пригласил власти...

Снова вгрызлись лопаты в прокаленную строкрымскую землю. Было это 10 октября 1991 года.

За вскрытием многострадальной могилы, кроме лиц официальных, наблюдала еще горстка стариков и старух. И когда стало ясно: пусто, ничего в могиле нет, даже когда был составлен акт, я думаю, они не поверили. "Опять обманули!".

Прости им, Господи!

Коктебель—Москва.